

Соколова А.

ТАЙНА
ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО
ДВОРЦА

ЖЕНСКИЕ ЛИКИ — СИМВОЛЫ ВЕКОВ

Женские лики – символы веков

Александра Соколова

Тайна Царскосельского дворца

«Алгоритм»

1914

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Соколова А. И.

Тайна Царскосельского дворца / А. И. Соколова — «Алгоритм»,
1914 — (Женские лики – символы веков)

ISBN 978-5-486-03903-4

Александра Ивановна Соколова (урожд. Денисьева; наст. отчество – Урвановна; 1833–1914) – русская писательница, широко известна до революции под псевдонимом Синее Домино; мать знаменитого фельетониста Власия Дорошевича. Войдя в литературный мир театральной рецензенткой «Московских ведомостей», Соколова осталась в нем на долгие сорок пять лет и написала множество статей, фельетонов, рассказов, исторических произведений, «уголовных романов» и, наконец, имевшие большой успех «Встречи и знакомства» и «Из воспоминаний смолянки» – интереснейшие образцы мемуаристики конца XIX – начала XX века. Роман «Тайна Царскосельского дворца», публикуемый в данном томе, рассказывает о временах царствования императрицы Анны Иоанновны и практически безраздельного владычества ее фаворита Бирона. Страшные истории дворцовых интриг и тайн широко дополняются в этом произведении темой любви, которая не обошла венценосцев и их окружение.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03903-4

© Соколова А. И., 1914
© Алгоритм, 1914

Содержание

I. В дипломатической борьбе	6
II. Зоркое шпионство	11
III. Борьба	17
IV. У подножия трона	23
V. На царском пиру	28
VI. Тайное свидание	33
VII. Наперсница	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александра Соколова

Тайна Царскосельского дворца

© ООО ТД «Издательство Мир книги», 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

I. В дипломатической борьбе

Россия переживала тяжелую эпоху владычества Бирона. Отяжелевшая физически и утомленная нравственно, императрица Анна Иоанновна, скорее по привычке, нежели по привызанности, продолжала подчиняться деспотизму фаворита, и властолюбивый герцог, забыв и скромное свое прошлое, и все пережитое им в начале его бурной жизни, с каждым днем становился все требовательнее и деспотичнее. Без его санкции уже не делалось ничего в империи, и его личные распоряжения ставились чуть ли не выше распоряжений самой государыни.

Не менее властолюбива была и герцогиня, жена Бирона, требовавшая себе чуть не царских почестей и воспитавшая своих детей в том же духе необъятной гордости и самомнения. Единственная дочь Бирона, Ядвига, некрасивая и далеко не умная от природы, считала себя чуть не владетельной принцессой. Младший сын Карл безнаказанно оскорблял своих сверстников, принадлежавших к знатнейшим фамилиям в государстве, а старший сын временщика герцог Петр под влиянием отца дошел до мысли стать во главе претендентов на руку и сердце принцессы Анны Леопольдовны, родной племянницы императрицы, воспитанной при дворе, с тем чтобы со временем унаследовать российский престол.

– На пути останавливаться не стоит! – было любимой поговоркой могущественного временщика, и действительно он ни перед чем не останавливался...

Все попадавшееся ему на пути и не покорявшееся его деспотической воле он беспощадно стирал с лица земли, и в ту мрачную эпоху не было на святой Руси такого преступления, перед которым остановился бы баловень фортуны, чтобы достигнуть раз намеченной им цели.

Все кругом Бирона склонялось перед ним, и хотя все от души ненавидели его, но никто не смел обнаружить это чувство, и все, напротив, раболепствовали и льстили ему самым позорным образом.

Единственным лицом при дворе, смевшим открыто исповедовать свою нелюбовь к могущественному герцогу, была молодая принцесса Анна Леопольдовна, нередко подвергавшаяся за свою явную и смелую антипатию горьким укорам и неудовольствию императрицы. Но и гнев державной покровительницы не мог побороть чувства молодой принцессы и смягчить ее антипатию к гордому и властному фавориту.

Напрасно лица, желавшие добра принцессе Анне, уговаривали ее если не покориться, то хотя бы не так смело и открыто высказывать свое отвращение к временщику. Она никого не слушала, не подчинялась ничьему влиянию и, всегда спокойная и невозмутимая, явно волновалась и выходила из себя только при своих столкновениях с властным герцогом.

Вражда к герцогу Бирону спорила в душе молодой девушки только с враждой к молодому принцу Антону Ульриху Брауншвейг-Люнебургскому, назначенному ей в мужа и вследствие того проживавшему при русском дворе.

Это супружество было делом вполне решенным, исполнению его могло бы помешать только осуществление заветной и дерзкой мечты Бирона о женитьбе старшего его сына на принцессе Анне; но об этом молодая девушка даже и не думала никогда и не говорила, так что и сам Бирон, при всей своей настойчивости, совершенно отказался от этого смелого проекта.

Однако это несколько не поправляло дела принца Ульриха и, совершенно отталкивая мысль о возможности своего брака с сыном временщика, принцесса Анна и по адресу своего почти уже нареченного жениха выказывала настолько смелую и откровенную антипатию, что в беседе со всеми, кому она доверяла, прямо и открыто заявляла, что «скорее пойдет на плаху», нежели станет под венец с принцем Антоном.

В беседе по этому поводу и застает ее наш правдивый рассказ.

Принцесса, ушедшая после раннего обеда – обычного при дворе императрицы Анны Иоанновны, всегда встававшей в шесть часов, обедавшей в двенадцать и ужинавшей в девять

часов вечера, – прошла к себе в комнату, помещавшуюся в верхней светлице Летнего дворца, расположенного на том месте, где и в настоящее время висится галерея Летнего сада.

Комнаты, расположенные в верхней половине небольшого дворца и носившие по старине названия «светлиц», находились прямо над апартаментами самой императрицы, а потому и ходить, и говорить в них принцессе приходилось с величайшей осторожностью, чтобы не обеспокоить императрицу, здоровье которой в эту эпоху уже начинало вызывать опасения.

Вместе с принцессой в ее апартаменты прошла ее любимая подруга и сверстница Юлия, или Юлиана Менгден, исполнявшая при Анне Леопольдовне не столько официальную роль фрейлины, сколько интимную роль ближайшей подруги и поверенной всех ее тайн.

А тайн у принцессы Анны в то время было немало! И вечная ее вражда к Бирону вместе с опасениями, которые временщик возбуждал в ней в будущем, и ее ненависть к жениху, которого прочила ей властолюбивая забота ее державной тетки и покровительницы, и, кроме всего этого и сильнее всего остального, нарождавшаяся любовь принцессы к красавцу-графу Линару, занимавшему пост посланника и представителя польско-саксонского двора при русском правительстве.

Граф Карл Мориц Линар, человек европейски образованный и имевший необычайный успех у женщин, был, или казался, сильно увлеченным молодой принцессой, а она, в свою очередь, платила ему полной взаимностью.

Всегда молчаливая, не по летам серьезная и сосредоточенная, принцесса Анна Леопольдовна с детства научилась хранить в душе все впечатления, и оттого все, проникавшее в ее душу, особенно сильно врезалось в нее.

Таких красавцев, как граф Линар, принцесса никогда не видела, и та почтительная, плохо скрываемая страсть, которую она внушала ему, будила в ее молчаливой душе глубокое, до того времени совершенно неизвестное ей чувство. Принцесса Анна переживала какие-то словно очарованные дни, какие ей еще никогда не приходилось переживать, и силой своих впечатлений она делилась только с бойкой красавицей Менгден.

Та выслушивала принцессу-подругу с почтительным и нежным вниманием, старалась утешить горе, внушаемое ей ненавистным замужеством, но порывов молодой девушки почти не понимала и шутливо замечала ей, что сама она никогда не была бы способна ни так пылко привязаться к человеку, ни так безумно полюбить его.

– Это тебе только так кажется! – возразила ей однажды принцесса, – и потому именно кажется, что ты еще не встретила человека, который заставил бы забиться твое сердце...

– И не встречу, ваше высочество! – рассмеялась в ответ хорошенькая Юлия. – Свято убеждена, что никогда не встречу!.. Ну в кого у нас, при дворе, можно влюбиться?.. Вы – другое дело! Вам хоть обмануться есть на чем!.. хотя воображаемую любовь было кому вам внушить!.. А мы, бедные и скромные представительницы небогатого дворянства, взятые ко двору только для того, чтобы служить чужим капризам... Я не о вас, конечно, говорю это, ваше высочество, и не о государыне – вас обеих я горячо люблю... в особенности вас, – а вообще. Что мы такое?.. Игрушки, призванные служить чужой прихоти. За нами, пожалуй, и ухаживать даже станут!.. Но полюбить нас некому!

И свои грустные слова Юлия сопровождала одной из тех лукавых, бедовых улыбок, которые хотя и не помогли еще ей сделать заветную карьеру, но уже собрали вокруг нее целую свиту поклонников...

В том же роде шла беседа между подругами и в тот день, с которого начинается наш рассказ. За обедом шла речь о пожаловании герцогу Бирону новой крупной и ценной аренды в златоносной Сибири, и в числе лиц, с особым подобоострастием приветствовавших и поздравлявших счастливого фаворита, ежедневно взыскиваемого новыми милостями, не последним был принц Антон. Он как-то заискивающе поглядывал то на пышно одетую императрицу, словно

хотел сказать, что иначе Анна Иоанновна и поступить не могла, то с выражением почти непонятного подбострастия переводил свой взгляд на некрасивое и надутое лицо Бирона.

Все это теперь было предметом толков и обсуждения принцессы Анны и ее подруги, забившихся в угол большого дивана, обитого дорогой штофной материей и занимавшего половину небольшой комнаты в светлице принцессы.

– Ты видела, как этот противный принц Антон Ульрих смотрел в глаза герцогу? – с чувством невольной брезгливости спросила принцесса. – Точно голодная собака на хозяина смотрит... не из любви, а из боязни ременной плетки...

– Да! Герой не из важных! – рассмеялась смуглая красавица Юлия, составлявшая полный контраст с принцессой Анной.

Анна Леопольдовна, тонкая, почти хрупкая, всегда неизменно бледная и грустная, только выражением больших, словно о чем-то молящих глаз искупала недостатки своей далеко не красивой наружности. Юлия Менгден, напротив, была вся жизнь, вся порыв, вся движение! Совершенно смуглая, с большими черными глазами и ярко-пунцовыми губами, из-за которых при постоянной улыбке выглядывали двойным ровным рядом перлов красивые мелкие зубы, с задорным смехом, при котором ее красивое лицо как будто все улыбалось и смеялось, – Юлия своей задорной, вызывающей красотой еще сильнее оттеняла томную грусть царственной подруги.

– Ну, да ведь и то сказать: где их искать, героев-то? – рассмеялась Менгден в ответ на собственные слова. – Да и с герцогом тягаться тоже ни у кого не хватит смелости!..

– Кроме меня! – гордо поднимая свою белокурую голову, произнесла принцесса Анна, и при этих словах по ее бледному лицу скользнуло такое выражение гордости и отваги, что она в эту минуту была почти красива.

– Ну, вы не в счет! – бойко рассмеялась Юлия.

– Опять ты мне «вы» говоришь? – с укоризной заметила принцесса.

– Но я не смею!.. Я никак не могу привыкнуть!

– Пора и сметь, и привыкнуть. Я так давно прошу тебя об этом... Я смотрю на тебя как на близкую, как на сестру!.. Ты знаешь, как я одинока при этом совершенно чуждом мне дворе.

– Да, вы все грустите!

– Юлия!.. Я рассержусь...

– Ты все грустишь! – с улыбкой поправилась смуглая красавица, прижимаясь своей выразительной головкой к плечу принцессы. – Ты никак не можешь и не хочешь привыкнуть к России?

– Да у меня же с Россией нет решительно никакой связи... пойми ты это!.. И не любит меня здесь никто... кроме одной тебя!..

– А граф Мориц? – лукаво улыбнулась Юлия.

Принцесса вспыхнула:

– Он – единственный светлый луч в моей скучной, сиротливой жизни! Он не в счет!.. Я говорю о том, чем я живу в его отсутствие!

– Да!.. Но ведь между ним и вами – целая бездна! К тому же он женат!..

– И расстояние можно перешагнуть, и брак можно уничтожить! – властным и твердым голосом произнесла принцесса.

– А воля императрицы? А тот высокий пост, который ожидает вас в будущем?..

– Да разве я просила об этом? Разве мне нужны все эти призрачные парады и почеты?.. Мне счастье нужно, а не блеск! Счастье! Пойми ты это!.. А счастлива я могу быть только с ним!

Юлия повела плечами. Казалось, она не совсем доверяла прочности того счастья, которое могло ожидать принцессу подле избранника ее сердца, но не решалась прямо высказать свое сомнение. Притом же она понимала жизнь по-своему и, будучи эпикурейкой по натуре, при-

знавала за аксиому известное выражение легкомысленной французской нации: «Courte, mais bonne»¹.

– Когда ты перечисляла сейчас своих истинных и преданных друзей, ты забыла назвать свою воспитательницу, мадам Адеркас! – укоризненно покачав головой, заметила Юлия принцессе.

– Моя дорогая Аделаида Францевна? О да, ты права!.. Я должна была назвать ее имя наряду с твоим.

– Даже впереди моего!

– Да, почти впереди! Она так любит меня, так искренне предана мне...

– Она и твоей страсти к графу Морицу сочувствует!..

– Да, ей близка каждая моя радость, близко каждое мое горе!.. Она знает, как искренне я люблю графа...

– Но все-таки она не может не сознавать, что из этой любви в конце концов не выйдет ничего путного!

– И это говоришь ты, ты, Юлия Менгден, которая так часто и так всецело отдавалась впечатлению минуты, не рассуждая и не задумываясь о завтрашнем дне?

– Да, я, но не вы! Ваш сан... та будущность, которая ожидает вас...

– И которую я так охотно отдам за скромное семейное счастье подле любимого человека!..

«Да он-то удовольствуется ли этим скромным семейным счастьем?» – промелькнуло в уме Юлии, но громко она не высказала своего сомнения. Ей не хотелось отнимать у принцессы ее заветную мечту.

– Что бал, о котором так давно говорят, состоится? – спросила она, чтобы переменить разговор.

– Да, непременно!.. Тетушка не дальше как сегодня говорила, что до отъезда на дачу намерена дать большой бал.

– Вот хорошо!.. Страшно люблю летние балы... куда больше зимних! – оживилась хорошенькая Юлия. – Ну, и весь двор, конечно, будет приглашен?

– Разумеется! Тетушка и на интимных вечерах любит собирать много народа, а тут будет большой, настоящий бал! Я уже обещала второй экоссез...

– Графу Морицу?..

– Да, ему!.. Первый я должна танцевать с этим противным принцем Антоном, а второй – мой, и я отдала его графу Линару!

– Который танцует несравненно лучше принца! – фамильярно подмигнула Юлия.

– Ну, это не трудно: принц так отвратительно пляшет вприскачку, что на него смотреть и смешно, и досадно!.. И родятся же на свет такие уроды! – с притворной грустью проговорила Анна Леопольдовна, видимо, возмущаясь полным отсутствием всяких достоинств в нареченном женихе.

– А каким образом узнает граф Линар, что второй экоссез принадлежит ему? – спросила Юлия.

Принцесса замялась на минуту, а затем тихо произнесла:

– Я... я напишу ему об этом!

– А записку передаст баловница Адеркас? – грациозно погрозила Юлия своим тоненьким пальчиком.

Принцесса торопливо приложила палец к губам и взором указала ей вниз.

– Да разве через пол слышно? – удивилась та.

¹ Коротка, но хороша (фр.).

– Не знаю!.. Знаю только, что всякое слово подслушивают и передают! Здесь, во дворце, у каждой двери есть уши!..

– Да, – покачала головой Юлия, – в этом отношении ваш дворец куда хуже наших простых домов, и верь ты мне или не верь, а я отказалась бы от всех благ мира, чтобы только избавиться от этого шпионства и тех соглядатаев, которыми ты окружена!

– А мне разве легко среди всего этого ада? – вздохнула принцесса и прервала свою речь, услышав легкий стук в двери. – Войдите! – нехотя крикнула она, недовольная несвоевременным посещением, помешавшим ей продолжать интересную беседу с подругой.

II. Зоркое шпионство

Досада, вызванная в принцессе неожиданным появлением непрошеной гостьи, была непродолжительна. Вошедшая была не кто иная, как воспитательница принцессы, госпожа Адеркас, а ей Анна Леопольдовна была всегда рада.

Спокойная, несколько гордая, но всегда равнодушно приветливая со всеми, с кем ее сталкивала судьба, Адеркас, умная и хитрая иностранка, не особенно долюбливала хорошенькую фрейлину Менгден, как будто слегка ревнуя ее к принцессе; но на этот раз, как и всегда, она очень дружелюбно поздоровалась с ней и только легким движением показала, что хотела бы остаться наедине со своей воспитанницей.

Юлия перехватила этот взгляд на лету и, поднявшись с места, прямо и открыто заявила:

– Ну, я пойду пока!.. Пришлите мне сказать, когда вы будете одни.

– Но вы нам нисколько не мешаете! – снисходительно заметила госпожа Адеркас.

Юлия ничего не ответила и, встав с места, удалилась с учтивым, но холодным поклоном.

– Вы напрасно так упорно отослали ее, моя дорогая! – ласково заметила принцесса, когда молодая фрейлина оставила комнату. – После вас мне никто так не близок и не дорог, как Юлия, и от нее у меня нет секретов.

– Я такой откровенности не одобряю и разделить ее не могу! Я именно пришла сюда, чтобы передать вам несколько слов, которых не сказала бы положительно ни при ком.

– Еще раз напрасно, мой добрый друг! Юлия знает все и так же искренне желает мне добра, как и вы!..

– Быть может, но ее «добро» ограничивается пустыми разговорами, а это – именно то, чего всеми мерами следует избегать при вашем русском дворе. У вас шпионство развито так, как только среди патеров иезуитского ордена!.. Но бросим эти пустые разговоры!.. Во-первых, вот вам! – и Адеркас протянула принцессе элегантно свернутую и сложенную конвертиком бумажку, запечатанную, по моде того времени, облаткой с изображением горящего факела, над которым парила пара голубков.

Принцесса Анна с восторгом взглянула на эту нежную эмблему и почти с благоговением приняла из рук своей воспитательницы принесенную ей записку.

– Прочитайте!.. Тут, должно быть, важное сообщение! – холодно и спокойно сказала госпожа Адеркас.

Анна Леопольдовна дрожащими руками сорвала облатку и пробежала коротенькую записку, после чего ее лицо слегка изменилось.

– Да, граф Мориц пишет мне, что за нами деятельно и... не совсем неудачно следят и что нам обоим грозит серьезная опасность.

– Она скорее всего угрожает мне! – спокойно проговорила воспитательница. – Я имею основание предполагать, что на меня сделан донос, и с горем должна сознаться вам, что я далека от надежды еще долго пробыть с вами!..

Принцесса при этих словах внезапно побледнела.

– Что вы говорите?.. Какой донос?.. Кто мог донести на вас?.. И что, наконец, можно донести?..

– Ну, что именно, вы хорошо знаете, а кто – это меня мало заботит!.. Здесь доносами занимаются поголовно все, и меня нимало не удивит, если это ваша любимая подруга...

– Как? Вы подозреваете Юлию? Моего лучшего друга?

– Друг ли она вам или враг – решить это я не берусь; но, не высказывая против нее никакого положительного обвинения, не могу все-таки не сказать, что не прозакладываю своей головы за то, что она сейчас, прямо отсюда, не отправилась с доносом на вас и на меня к герцогу или даже к самой императрице!..

– Нет!.. Это я не могу и не хочу думать!

– Ваше дело! – пожала плечами воспитательница. – Но я не за тем пришла, чтобы спорить с вами о степени преданности окружающих вас лиц. Я хотела серьезно поговорить с вами, тем более что этот разговор может быть последним между нами...

– Как последним? Что вы хотите сказать? Зачем вы так пугаете меня?

– Я вовсе не хочу ни огорчать, ни пугать вас, дитя мое. Я хочу только использовать выдавшуюся нам свободную минуту, чтобы предупредить вас о том, что мне удалось узнать в эти последние дни, или, точнее, в эти последние часы!.. Вы знаете, что у меня есть некоторые сношения с саксонским двором и что эти сношения именно и вызвали то доверие, которым одарил меня граф Линар?

– Да, я знаю это, и это еще сильнее связывает меня с вами!..

– Ну, так об этих сношениях стало каким-то образом известно кабинет-министру Яковлеву, а вы знаете, какую роль он играет во всем, что касается политики России!..

– О, хорошо знаю; но знаю при этом и то, что он занимается не столько делами государства, сколько низкими сплетнями и гнусными доносами... Это – шпион, а не государственный человек.

Госпожа Адеркас улыбнулась:

– Вы еще молоды, дитя мое, и не знаете, что эти слова в дипломатическом мире – синонимы. Кабинет-министр Яковлев – далеко не единственный соглядатай в сфере иностранной политики. При каждом европейском дворе есть свой премьер-министр Яковлев!

– Но что заставляет вас думать? Что возбудило ваше подозрение?

– Это не подозрение, а полная и несокрушимая уверенность! Я получила предупреждение и обязана была, в свою очередь, предупредить вас!.. Что пишет вам граф?

– Он пишет, что передаст мне многое на балу, который устраивает императрица.

– И на котором за вами будут следить усиленнее и усерднее, нежели когда-нибудь.

– Да... Но все-таки я найду возможность выслушать графа Морица.

– Сначала выслушайте меня!.. Саксонский двор оповещен о том, что на графа Линара недружелюбно смотрят здесь, у нас, и что недалек тот день, когда его пожелают совсем убрать из Петербурга.

– Но разве можно сделать это помимо его желания?..

– Наивный вопрос!.. Неужели вы думаете, что у всех, кого императрица или ее клеветы пожелают выжить из России, предварительно испрашивается на это их личное разрешение?

– Но граф – уполномоченный посол.

– Его и отзовет именно то правительство, которое уполномочило его! – холодно рассмеялась госпожа Адеркас. – Ничего нет глаже и корректнее наших дипломатических каверз. Меня вот тоже не сегодня завтра увезут... увезут без предупреждения, но и без малейшего оскорбления моей личности... Просто учтиво попросят пожаловать, предварив, что «пожаловать» требуют без малейшего промедления.

– Вы пугаете меня, мой друг!

– Напрасно! Не надо быть такой робкой... У вас, в России, есть очень дельная и справедливая пословица, которая в переводе на наш язык предупреждает всех, близко подходящих к царям, что они приближаются к своей смерти!..

– Да... Я знаю... Эта пословица так и гласит: «Близ царя – близ смерти».

– Очень оригинально и как нельзя более справедливо! Эту мудрую пословицу никогда не следует забывать, особенно вам, лицу, готовящемуся стать на ступени престола.

– Бог с ним, с этим престолом!.. Я желала бы лучше никогда не приближаться к нему!

– Напрасно!.. Власть – великое, святое состояние!.. Как много пользы может принести человек, облеченный ею!..

– Да, но зато сколько несчастий грозит ему самому!

– Надо уметь бороться... как можно меньше трусить и как можно меньше и реже уступать! Но мы теряем дорогое время на пустые теоретические прения. Я пришла сказать вам несколько деловых слов и подать вам несколько полезных советов. Кто знает, долго ли я буду в состоянии давать их вам?

– Ради бога, мой друг, не пугайте меня! – почти простонала принцесса, прижимаясь головой к плечу своей воспитательницы.

– Будьте тверды и слушайте меня внимательно! На бале, о котором идет речь, переговорите с графом обо всем, что вы находите нужным сказать ему, посоветуйтесь с ним относительно всего, что для вас недостаточно ясно, и хорошенько уговоритесь относительно ваших дальнейших сношений, если вы находите возможным продолжать их после отъезда графа на родину.

– Но этот отъезд...

– Дело уже решенное там, в Саксонии, и не только избежать его, но и добиться малейшей отсрочки почти невозможно!.. Покоритесь молча; это – пока все, что вы можете сделать!..

– Но я тогда останусь совершенно одна... Вы уедете, граф уедет... Да ведь если так, то есть отчего с ума сойти!..

– У вас есть крупное, серьезное дело: вам предстоит величайший из современных европейских тронов!

– Во-первых, неизвестно, предстоит ли он мне, а во-вторых, это ужасное замужество...

– Которого избежать невозможно и с которым необходимо примириться!.. Никому жизнь даром не улыбается. Каждый из нас дорогой ценой покупает каждую ее улыбку!.. Конечно, принц Антон некрасив...

– Некрасив?! Как вы деликатно выражаетесь!.. Он прямо урод и набитый дурак!.. Если бы вы видели, как он глупо и трусливо улыбался сегодня за обедом в ответ на все резкости и дерзости герцога и его дурацкой жены!.. Господи, как я ненавижу всех их! – болезненно простонала Анна Леопольдовна, заламывая руки над головой.

Это был обычный жест молодой принцессы в минуты охватывающего ее горя.

За дверью послышался легкий шорох.

Собеседницы робко переглянулись.

– Опять! – топнула ногой принцесса Анна. – Когда же наконец меня избавят от этого вечного шпионства?

– Никогда, дитя мое! – горько усмехнулась госпожа Адеркас, вставая с места. – Но успокойтесь! Лицо, стоявшее за дверью, уже удалилось; все, что удалось ему услышать на этот раз, ограничилось вашим восклицанием о ненависти, внушаемой вам всем вас окружающим.

– Это я и не думаю скрывать! Я громко исповедую свою глубокую ненависть и к русскому двору, и к русским порядкам, и к самой России!.. Я замерзла в этой ледяной стране... Я не могу... не хочу жить в ней!.. Я чувствую, что здесь меня ждет полная и бесповоротная гибель.

– Полноте, дитя мое!.. Не давайте воли своим нервам... Вас здесь ждет почет и, может быть, верховная власть.

– А раньше этого – брак с нелюбимым человеком?.. Больше этого, с человеком, которого никогда и никто полюбить не может и который всем может и должен внушать только отвращение!.. За что же я обречена на этот ненавистный брак... на эту живую могилу?

– У каждого своя судьба...

– Но это несправедливо!.. Я не хочу покоряться такой судьбе... Я хочу счастья, любви!

– Будьте терпеливы... быть может, всего этого вы сможете и сумеете достигнуть. Но прежде всего – осторожность и осторожность!.. Переговорите обо всем с графом... проститесь с ним...

– Как? Проститься? Зачем прощаться?!..

– Затем, что он непременно уедет... раньше или позже меня, но уедет!.. К этому вы должны быть готовы...

– И... кроме этого бала, я больше не увижу его?

Госпожа Адеркас пожала плечами:

– Это будет зависеть от вас обоих... Я помогу вам и на этот раз, как всегда помогала до сих пор.

Принцесса обняла и крепко поцеловала свою воспитательницу.

– Я всегда знала, что вы истинно любите меня! – сказала она.

– А между тем найдутся люди, которые скажут, что я потворствовала вашей любви вам на погибель! Ну, да пусть их говорят!.. От таких речей никуда не уйдешь... Теперь выслушайте мои последние советы, мое завещание вам, потому что, уехав, я уже, наверное, никогда более не увижусь с вами!

– Что вы говорите, мой друг? – зарыдала принцесса Анна.

– Успокойтесь и не предавайтесь малодушному горю! У вас впереди еще много испытаний... Берегите свои силы на серьезную борьбу и не тратьте их на пустяки!.. Слушайте внимательно то, что я буду говорить вам. Не пробуйте бороться против воли императрицы и не отказывайтесь от брака, который придуман с целью упрочить за вами могущественный русский престол! От власти чураться не следует!.. Не брюскируйте слишком сильно вашего молодого супруга... Он – не дурной человек; он только ничтожен, и нельзя винить его в том, что судьба не дала ему ни мощных сил, ни блестящей энергии... Не всем быть орлами!.. Он – кроткий и мирный человек; вы можете заставить горячо полюбить вас... такие мягкие натуры способны на сильную, горячую привязанность.

– Я не хочу его постылой любви!.. Она не нужна мне!..

– Опять напрасно! Раз этот брак неизбежен, лучше стараться обставить его возможно отрадным образом... Домашняя вражда – страшная вещь!.. Кстати, отвлеченный, но необходимый вопрос: вам известно, что граф Линар женат?..

– Да, он сказал мне об этом... но я думаю, что этот брак легко расторгнуть...

– Если для этого будет предстоять серьезная надобность... Но пока такой надобности я не вижу!

– Как не видите?.. Нет, мой друг... Вы разлюбили свою Анну!

– Напротив, принцесса, я сильнее, нежели когда-нибудь, люблю вас и от всей души желаю вам добра. Но ложного пути я вам никогда не посоветую и никогда не толкну вас на него... А устранение жены графа Линара было бы именно тем ложным путем, который привел бы и его, и вас к окончательной гибели.

– Вы думаете?

– Я в этом убеждена, а свои убеждения я строго взвешиваю и никогда не высказываю их на авось! Возвращаясь к своему словесному завещанию! – грустно улыбнулась госпожа Адеркас. – Советую вам ни с кем из приближенных к императрице лиц серьезно не ссориться.

– За исключением герцога Бирона, конечно?

– О нем я не говорю: ваши отношения достаточно выяснились и достаточно обострились. Но кроме него есть еще и другие... Есть кабинет-министр Яковлев...

– О, этого я хорошо поняла и оценила!

– Есть обер-гофмаршал Левенвольд.

– Этого я не опасаясь: в нем есть дворянский гонор и дворянская честь, а те, в ком они хранятся, не опасны.

– В штате императрицы есть придворная дама Чернышева, она глубоко предана Бирону и даже приняла на себя знаменитое сватовство вашего высочества за старшего сына герцога!..

– Я знаю это... и хорошо же я тогда отделала ее за это сватовство!

– Она не забыла этого, принцесса, и в ее лице вы имеете если не особенно сильного, то глубокого врага.

– Ее я не боюсь!

– Напрасно!.. В стране, где есть еще пытки и где в Тайной канцелярии заседают такие лица, как Ушаков и князь Трубецкой, такое бесстрашие даже нелогично.

– Что ж, ведь не меня же они на дыбы вздергивать станут? – горько усмехнулась принцесса.

Ее собеседница промолчала. Видно было, что лично она ждала всего от России и ничему не удивилась бы.

– Не пренебрегайте также мелкой, ничтожной враждой! – продолжала Адеркас свои наставления. – Остерегайтесь и маленьких людей... Они подчас могут оказаться опаснее больших.

– Например? – озабоченным тоном спросила Анна.

– Я хочу говорить о любимой камер-юнгфере императрицы, Юшковой. Она имеет доступ к государыне и, ловко и вовремя пустив слово, может и помочь, и повредить любому делу.

– Юшкова? Да, я знаю такую... Но я не думаю, чтобы императрица вступала в разговор со своими камер-юнгферами.

– Ошибаетесь... Таким скромным путем проходили люди крупные, и если бы не другая камер-юнгфера императрицы, теперь уже умершая, бедный лифляндский дворянин Бирон не сделался бы герцогом курляндским и почти полновластным хозяином всего русского царства!

– Да, я слышала нечто в этом роде...

– У императрицы, в личном ее услужении, есть еще простая сенная девушка Ирина Лодырева, или Ариша, как зовет ее сама государыня. Эта занимает уже совсем низменную роль, а между тем с ней приходится многим считаться, и не сегодня завтра пред ней вельможи заискивать станут!..

Принцесса подняла на свою собеседницу удивленный взгляд.

– Этого я уже совсем не понимаю! – сказала она.

– Да, оно таки и непонятно... тем более что влияние, которое эта Ариша оказывает на всех, близко подходящих к ней, приписывается нечистой силе.

Принцесса презрительно пожала плечами:

– Неужели вы верите подобному вздору? Вы, такая европейски образованная, такая начитанная?

– Наука не исключает сокровенных тайнств природы!.. Можно многое знать и в то же время преклоняться пред неведомыми тайнами. Одни называют это кабалистикой, другие – алхимией, третьи, наконец, относят эти явления к чертовщине, но отвергать существование всего этого невозможно и поневоле приходится сдаваться перед очевидностью!

Госпожа Адеркас еще говорила, когда вдруг в дверь комнаты принцессы раздался новый стук. Обе собеседницы переглянулись.

– Войдите! – сказала Анна Леопольдовна.

На пороге показалась невзрачная фигура скромно одетой и на вид как бы запуганной женщины, вошедшей тихо и осторожно, как входят в комнату опасно больного. Это и была Юшкова, старшая и любимая камер-юнгфера императрицы.

– Ее величество просит принцессу пожаловать к ним! – вкрадчивым голосом произнесла Юшкова, не переступая порога комнаты. – Государыня очень обеспокоена тем, что их высочество плохо изволили кушать за столом, и приказали справиться о здоровье их высочества.

– Поблагодарите тетюшку!.. Я совершенно здорова!.. – холодно ответила Анна Леопольдовна, не скрывая того неприятного впечатления, которое производило на нее присутствие Юшковой.

– Ее величеству угодно также знать, с кем заняты ваше высочество? – тем же вкрадчивым голосом продолжала Юшкова.

– Можете сказать то, что вы видели! – презрительно бросила ей Анна, – если только зрение не изменит вам и вы не примете мою наставницу за есаула царских казаков!..

Эта едкая насмешка заставила Юшкову сначала вспыхнуть, а затем смертельно побледнеть. Принцесса намекнула на недавний случай, когда в комнате уже пожилой Юшковой застали не в урочный час одного из конвойных казаков императрицы.

Ловелас-казак чуть не поплатился за это свидание своей службой, и только заступничество всеильного герцога, благоволившего к старой камер-юнгфере, спасло его от строгой дисциплинарной ответственности.

После резкого ответа принцессы Юшкова молча вышла из комнаты, затаив в своей душе непримиримую злобу к «чужеземке», которую она и так уже от души ненавидела.

III. Борьба

Приглашению принцессы на половину государыни предшествовала следующая сцена. В кабинете императрицы, где она обыкновенно лежала после обеда в своих глубоких креслах, устланных пуховыми подушками, раздавались звуки тревожных и порывистых шагов герцога Бирона, нетерпеливо мерившего комнату своей порывистой и тяжелой походкой. Герцог был, видимо, чем-то сильно взволнован, и императрица осторожно, почти боязливо следила за его неровными шагами. Она знала, что за этим обыкновенно следовали бурные вспышки гнева Бирона, внушавшие ей почти панический страх.

Анна Иоанновна чувствовала себя в этот день хуже обыкновенного. Ее желтое, сильно отекавшее лицо порою выражало невыносимое страдание. Доктора уже давно признали недуг императрицы неизлечимым, и только самовластный Бирон не хотел или не мог понять, что, причиняя императрице горе и тревогу, он этим самым ускоряет гибельную для него развязку.

– Эрнест! Ты чем-то расстроен? – почти заискивающим голосом спросила императрица, называя старого герцога прежним ласкательным именем, что она делала все реже и реже. – Что-нибудь случилось? Да?

– Ничего нового! – резко, почти крикнул в ответ гордый вельможа, совершенно забыв, что он говорит не с равным себе. – Случилось то же самое, что ежедневно случается при вашем дворе и при вашем слабом и неумелом управлении!.. Дерзкая девчонка, недовольная тем, что оскорбила меня и мою супругу-герцогиню, оскорбляет еще и вас и явно смеется над вашими приказами и распоряжениями!

– Я не понимаю, о ком ты говоришь, Эрнест!

– Не понимаете? Скажите пожалуйста!.. О ком же, как не о вашей возлюбленной племяннице, принцессе Анне, которая продолжает свои шашни с этим негодяем Линаром и под вашим носом переписывается с ним и назначает ему свидания!

– Переписывается? Свидания назначает?!.. Откуда ты берешь все это?

– Не по-вашему же мне сидеть и глазами хлопать, в то время как надо мной смеются и в грош не ставят моих приказаний!.. Я не в вас!.. Я все вижу и все знаю, что делается вокруг меня!..

– Но ведь ты сам говорил, что этого Линара скоро уберут?

– Да ведь еще не убрали!.. А между тем он к Анне Леопольдовне ежедневно записочки посылает и свидания ей назначает!

– Да ведь ты сам этого не видал?

– Еще бы я лично видел! Да я, кажется, на месте их обоих уложил бы.

– Ты забываешь, что говоришь о моей родной племяннице и о будущей наследнице русской короны.

– Тем хуже для вас, что вы не умели лучше воспитать свою близкую родственницу и надумали надеть российскую корону на такую пустую голову!

– Эрнест! Опомнись!..

– Не смотрите на меня так величественно и не меряйте меня такими строгими взглядами! Я, как вы хорошо знаете, не из трусливых, меня ничем не испугаете! Я повторяю вам: вы так распустили свою племянницу, что весь двор на нее пальцами указывает, и для нее было величайшим счастьем и почти спасением честное и блестящее замужество, которое я великодушно предлагал ей.

– Да ведь она выходит замуж... Это – вопрос решенный!

– Я не об этом замужестве говорю, – нетерпеливо топнул ногой Бирон. – Я говорю о своем сыне.

– Да! Но что ж мне было делать, если герцог Петр не сумел понравиться Анне?

– А этот немецкий идиот, вы думаете, сумеет приглянуться ей? – насмешливо спросил Бирон.

– Я этого не говорю, но этот вопрос решен окончательно, и все готово.

– Вплоть до коллекции ее любовных писем к этому накрахмаленному Линару... Приданое, надо признаться, довольно оригинальное!

– Ах, боже мой!.. Ты взялся выжить Линара от моего двора и выживай, как сам знаешь... Мне надоело слышать ежедневно одно и то же.

– Кто ж в этом виноват? Не я, конечно. Ведь не я приношу принцессе Анне письма ее любовника.

– Опомнись, герцог! Что ты говоришь?.. Какие выражения ты употребляешь?

– Ах, боже мой, какие нежности!.. Кому же, как не любовнику, посылают записочки и назначают ночные свидания?

– Докажи, что это так! Докажи! – в свою очередь вспыхнула императрица.

– Доказать нетрудно. Где в настоящую минуту ваша племянница?

– У себя в комнате, наверное; где же ей быть?

– А с кем она там беседует?

– С Юлией Менгден, вероятно. С кем же ей больше проводить время?

– Менгден зовут Юлианой, а не Юлией! – поправил герцог. – Что у вас за страсть искажать имена?

– При дворе все зовут ее Юлией, и я не хочу отставать от других, тем более что она на днях примет православие.

– Ну, крестинами занялись от нечего делать! – махнул рукой Бирон. – Вот уж подлинно, как ваша русская пословица говорит: «Чем бы ни тешился ребенок, лишь бы громко не кричал!»

– Такой пословицы нет, – рассмеялась императрица, – есть поговорка: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало».

– Ну, не все ли равно, так или иначе выражается мужицкая глупость на вашем глупом русском языке? Я повторяю вам свой вопрос: с кем беседует в настоящую минуту ваша племянница?

– А я повторяю тебе, что не знаю... Ведь не станешь же ты уверять меня, что к ней в апартаменты прошел Линар?

– Еще бы он это позволил себе!.. Да я собственноручно ему ноги обломал бы. Нет-с, у вашей племянницы в данную минуту сидит ее горячая заступница и воспитательница, госпожа Адеркас.

– И в этом я не вижу ничего удивительного. Матильда всегда вместе с Анной. Они почти неразлучны, и хотя в последнее время ты, как мне известно, принимаешь все меры к тому, чтобы разъединить их...

– Я принимаю все меры к тому, чтобы спасти и вас, и честь вашего двора от публичного позора, которому ваша хваленая Матильда всеми силами потворствует и потакает! Она и сейчас отнесла принцессе Анне записку от ее возлюбленного.

– Ты опять, герцог? – почти строго заметила императрица.

– Да, опять и всегда, пока эта противная швейцарка будет проживать в пределах вашей империи.

– Я уже сказала тебе, что награжу и отпущу ее!

– А я нахожу, что ее следует не отпустить, а прямо прогнать, и уж, конечно, без всякой награды.

– Когда ты кого-нибудь невзлюбишь...

– То, стало быть, его любить не за что! – договорил сам герцог.

– Но она столько лет служила нам верой и правдой.

– Она и в настоящую минуту проявляет и эту «веру», и эту «правду». Она принесла и вручила вашей племяннице записку от Линара.

– Почему ты предполагаешь это?

– Я не предполагаю, я знаю!.. Какой я был бы правитель, если бы жил предположениями.

– Но... кто мог сказать тебе?

– Стены сказали мне, – останавливаясь перед императрицей, громко произнес Бирон. – Понимаете ли вы, стены! В правильно поставленном доме все стены говорят.

– Ты слишком подозрителен.

– Проверьте, если желаете! Я прямо и открыто заявляю всем, что Адеркас принесла принцессе записку от Линара относительно назначенного при дворе бала. Они всегда сговариваются, а теперь им это и подавно нужно, потому что эта старая лисица Адеркас отлично знает, что доживает последние дни при вашем дворе и с ее отъездом они лишатся самой усердной пособницы. Ваши придворные балы, при распушенности вашего двора, служат самым надежным пунктом соединения разрозненных сердец!

– Ты знаешь, что я первая вовсе не охотница до этих балов.

– Время прошло! – с желчной усмешкой дерзко заметил Бирон. – В былые годы вы не то говорили...

– И ты, сколько мне помнится, тоже не прочь был от балов? – тихо и покорно улыбнулась императрица.

Она ввиду увеличивавшейся болезни, а с нею и нервного раздражения положительно начинала бояться Бирона.

– Что толковать о прошлом!.. Нам настоящее интересно... Прожитого и пережитого не вернешь, сколько ни толкуй о нем!.. Назначенный бал должен отличаться блеском и оригинальностью. Он будет последним в настоящем сезоне. После него пора будет и на дачу собираться.

– Да, конечно!.. Но и без этого празднества можно было бы обойтись. Кому нужен этот бал?

– Он мне нужен!.. Я уже раз сказал вам, что он нужен лично мне, по моим соображениям, направленным, конечно, на вашу пользу. О себе я всего меньше думаю... Кстати, это будет и прощальным фестивалем для вашей племянницы, которая вскоре после него расстанется со своим возлюбленным, если только не ухитрится убежать вслед за ним за границу.

Императрица перекрестилась.

– Что это ты, герцог, неподобные какие вещи говоришь? Статочное ли дело принцессе крови с проходимцем немецким связаться и в чужие земли за ним следом убежать?

Она говорила от души, забыв, что перед нею стоял такой же «немецкий проходимец», тем же путем добившийся чуть не царских почестей в приютившем его государстве.

– Что ж, хотите вы проверить справедливость моих слов? – спросил Бирон после минутного молчания.

– Это относительно Анны, что ли? Конечно, хочу! Прикажи послать ее ко мне.

Герцог подошел к двери, но в ту же минуту от последней быстро отскочил кто-то.

Когда Бирон вошел в комнату, смежную с той, в которой отдыхала императрица, он застал камер-юнгферу Юшкову углубленной в какое-то сложное вышивание. Герцог пристально взглянул на нее и медленно проговорил:

– Подите наверх к принцессе и позовите ее высочество к императрице. Заметьте при этом, кто у принцессы, и постарайтесь уловить, хотя приблизительно, о чем идет разговор.

Юшкова двинулась к двери.

Однако Бирон, остановив ее, строго проговорил:

– Ко всему, когда-либо сказанному вам мною, прибавьте и зарубите себе на память еще следующее. Я очень люблю шпионство и доносы и щедро плачу за них, но не хочу быть их предметом! Вы поняли меня?

– Помилуйте, ваша светлость! – начала было перетрусившая насмерть камер-юнгфера.

– Нет! Если еще раз замечу что-нибудь подобное, то не помилую! – гордо бросил ей в ответ Бирон и, вернувшись в комнату императрицы, серьезно, почти строго заметил ей: – Научитесь же выдерживать людей в должном порядке... Ведь это ужас что такое! Я вышел в соседнюю комнату, чтобы передать ваш приказ, и поймал вашу камер-юнгферу, подслушивающую у двери наш разговор...

Желтое, налитое лицо императрицы покрылось внезапным румянцем.

– Юшкову? – переспросила она. – Ты сам застал ее?

– Стало быть, сам, если говорю!

– Позови ее сюда сейчас, негодяйку! – крикнула императрица, силясь подняться с кресла и в изнеможении вновь опускаясь в него. Позови ее ко мне сейчас! Чтобы сегодня же ее духу не было у меня во дворце!

– Успокойтесь! Во-первых, ее нет, потому что я услал ее за вашей племянницей, вторых же, я достаточно твердо сказал ей все, что надо, а моих слов в вашем дворце слушаются и боятся!.. Все знают, что я шутить не люблю! Я поставил вам это на вид, чтобы доказать вам, кем вы окружены. А затем на Юшкову можно положиться, как на каменную гору. Она знает, что я на ветер своих слов не бросаю!

– Но что же она не идет?

– Кто? Юшкова или принцесса Анна?

– Ах, боже мой! И та и другая.

– Принцесса по обыкновению поломается, прежде чем исполнить вашу волю и ваш приказ, а Юшкова и там подслушивает, как подслушивала здесь, с тою только разницей, что на это подслушивание я сам уполномочил ее. Но вот и ваша принцесса-недотрога идет. Прикажете оставить вас? – насмешливо поклонился герцог.

– Ах, нет... зачем же? Какие от тебя могут быть тайны? Но где же Анна?

– Шествует не торопясь, как всегда... У нее на все свои церемонии; без этикета она ни на шаг!

Не успел Бирон окончить эти слова, как в дверях показалась принцесса Анна Леопольдовна, действительно, как бы в подтверждение слов Бирона, выступавшая своей спокойной, неторопливой походкой. Она подошла к тетке, нагнулась, чтобы поцеловать ее руку, а затем отошла в сторону, как будто даже не заметив присутствия герцога.

Последнего от этого невнимания бросило в краску.

– Вы звали меня, тетушка? – почтительно склоняя голову, спросила она императрицу.

– Да, я хотела поговорить с тобой о твоём костюме к готовящемуся балу.

– Мой костюм уже заказан. Я буду во главе розовой кадрили... У нас будут розовые костюмы с серебряными бантами.

– А твоим кавалером будет принц Ульрих?

– Да, он! – нехотя ответила принцесса.

– Всех кадрили будет четыре?

– Да, четыре!.. Но остальных костюмов я не знаю, знаю только, что цесаревна Елизавета будет в голубом.

– И кавалером ее высочества будет мой сын, герцог Петр! – не без гордости заметил Бирон.

Принцесса не возразила ни слова. Она как будто даже не слыхала его слов.

– Цесаревна умеет быть очень мила и предупредительна! – как бы в чем-то оправдываясь, заметила императрица.

– Да, в ней нет напыщенной гордости, которая отличает многих при русском дворе! – подчеркнул Бирон.

– И которая особенно смешна и непростительна в тех случаях, когда ее проявляют люди, ни по рождению, ни по своему образованию не принадлежащие к родовитому русскому дворянству! – громко и отчетливо произнесла принцесса, бросая исподлюбья взгляд в сторону взбешенного герцога.

Императрица слегка поморщилась. Помимо того, что она никогда не давала в обиду своего любимца, которого, впрочем, и обижать никогда никто не решался, за исключением неугомонной принцессы Анны, императрица не терпела никаких пререканий в своем присутствии и, чтобы положить предел всем резким выходкам племянницы, спросила ее:

– Что ты делала, когда тебя позвали ко мне?

– Ничего особенного! Разговаривала.

– С кем именно?

– С фрау Адеркас.

Бирон бросил торжествующий взгляд на императрицу.

Принцесса Анна перехватила этот взгляд на лету, и он окончательно вывел ее из себя.

Бирон видел досаду молодой девушки, и это еще больше подзадоривало его.

– Разговор, вероятно, шел о предстоящем бале? – спросил он с насмешливой улыбкой.

Принцессу такая наглая смелость окончательно вывела из себя.

– Нет, о вас! – ответила она, смело взглянув ему прямо в лицо.

Бирон почти вздрогнул от удивления.

– Что с тобой, Анна? – спросила императрица, в свою очередь глубоко пораженная выходкой принцессы, но остановить ее было уже трудно.

Анна Леопольдовна, всегда сдержанная и молчаливая, редко выходила из себя, но когда с ней это случалось, она уже не могла совладать с собой.

– Ничего, тетушка, – ответила она, прямо взглянув в глаза императрице. – Я не знаю, почему мой ответ мог так удивить вас. Все кругом нас, да, я думаю, и чуть ли не вдоль по всему необъятному вашему царству, наверное, ежедневно и ежечасно ведут разговоры о герцоге Бироне.

– И... по вашему мнению, наверное, все бранят его, как и вы? – вмешался в разговор Бирон.

– О других я ничего сказать не берусь, но лично я на этот раз не бранила вас. Я просто откровенно разговаривала с человеком, от которого не привыкла скрывать свои впечатления.

– Ты еще слишком молода, чтобы позволять себе составлять определенное мнение о людях старше и умнее тебя, – строго заметила ей императрица. – Я требую – слышишь ли ты? – требую, чтобы имена близких мне людей произносились тобой с любовью и уважением. Ты слышала, что я сказала, и... поняла меня?..

– И слышала, и поняла, тетушка!.. и постараюсь, исполняя ваш приказ, как можно реже произносить те имена, которые я не считаю возможным окружить ни любовью, ни уважением!

– Оставьте принцессу, ваше величество! – смело вставил Бирон свое властное слово в этот чисто семейный разговор. – Вы видите, что она сегодня расстроена.

– Не более обыкновенного! – ответила молодая девушка, видимо порешившая на этот раз не уступать смелому временщику. – Я не вижу никакой причины к особому расстройству.

– Бывают тайные предчувствия! – зло усмехнулся Бирон. – Это чувство невольное... с ним трудно совладать.

– Я мало и редко жду чего-нибудь хорошего, и потому меня никакое тяжелое предчувствие не испугает.

– Такое разочарование в такие молодые годы и при том блестящем положении, какое создала для вас забота вашей благодетельницы...

– О моих личных отношениях к ее величеству я попросила бы вас не заботиться! – холодно и почти повелительно заметила молодая принцесса.

Ее тон все более и более удивлял как императрицу, так и смелого фаворита. Оба они не привыкли к такому упорному противодействию и оба почти терялись, столкнувшись с таким непривычным для них явлением.

IV. У подножия трона

Прошла минута полного, ничем не нарушаемого молчания. Герцог, задыхаясь от злости, как будто собирался с духом, чтобы отпарировать смелое нападение молодой принцессы. Императрица не верила своим ушам и почти со страхом спрашивала себя, как она сумеет совладать с той железной волей, какую внезапно проявила ее всегда смирная и кроткая племянница? Ничего подобного она не ожидала от нее и спрашивала себя: точно ли перед нею та тихая и покорная Анна, которой стоило только приказать, чтобы она тотчас же покорила все и перед всем и всеми склонила голову?

Но молчать долее было почти невозможно, и императрица, напуская на себя особую строгость, гневно произнесла:

– Я в первый раз слышу у себя, в своем кабинете такой тон, Анна!.. И я желаю и требую, чтобы это было и в последний раз!.. Ничего подобного я не потерплю!

– Я перед вами не виновата, тетушка! – смело поднимая на нее взор, ответила молодая принцесса. – Я ответила герцогу, и если тон моего ответа был не строго корректен, то виновата в этом не я! Я ответила в том тоне, в каком со мной говорили. Я ни за кем, и тем менее за герцогом Курляндским, не признаю права давать мне наставления и вмешиваться в мои личные дела! Вашему величеству я покорюсь всегда и во всем... но... только вам и никому более! Я ничего не прошу у вас и ни за чем не гонюсь. Я, как дочь свободной страны, дорожу только свободой... Я от всего могу отказаться, все готова подчинить вам и вашему дорогому для меня желанию, но своей свободы я вам не уступлю!.. Если вам угодно будет вернуть меня обратно туда, откуда извлекла меня ваша милостивая забота о моей участи, я подчинюсь вашей воле, но уйду я свободная, как свободная пришла в вашу, чужую для меня, страну!.. Пред герцогом Курляндским трепещет вся Россия, но я перед ним трепетать не стану и, как я отвергла его настояние включить меня в число членов его семейства, так всегда отвергну все, что придет ко мне с его стороны!

Принцесса Анна могла бы говорить еще долго... Никто не решался прервать ее. Императрица слушала ее, вся охваченная удивлением, почти ужасом, герцог слушал ее пристально и внимательно и по временам переводил свой почти торжествующий взгляд с ее оживленного и раскрасневшегося лица на встревоженное и искаженное гневом лицо Анны Иоанновны. Он, казалось, так и хотел сказать ей: «Полюбуйтесь! Я вам давно пророчил это!»

Когда Анна Леопольдовна умолкла, с минуту в комнате царил мертвая тишина, точно будто умер кто-то в этих высоких, молчаливых стенах; точно чей-то мертвый покой сторожили эти глубокие амбразуры, эти бледные, прихотливые гобелены.

Наконец принцесса Анна встала и молча направилась к двери.

Императрица первая очнулась от мертвого молчания, окружавшего ее.

– Ступай к себе!.. Я пришлю за тобой! – сказала она с расстановкой.

Ей как будто трудно было говорить; что-то словно сжимало ей горло и сковывало не только ее язык, но и ее мысли.

Принцесса вышла тихой и ровной походкой. В ней не заметно было ни тревоги, ни волнения. Она только была бледна так, как живой человек побледнеть не может.

Бирон проводил ее пристальным и враждебным взглядом; императрица же сидела молча, опустив голову на сильно вздымавшуюся грудь. Ее пожелтевшее, отекавшее лицо как будто потеряло свое последнее сходство с лицом живого человека.

Принцессы Анны уже давно не было в комнате, а оставшиеся собеседники все еще молчали, как бы скованные силой пережитого впечатления, и только когда ее шаги совершенно затихли в коридоре, Бирон поднял голову и, первый нарушая молчание, резко и властно произнес:

– Какова? Не говорил я вам?

– Да... Но я поражена! – тихо произнесла императрица.

– А я нисколько! – повел плечами Бирон. – Я ничего иного и не ожидал от воспитанницы швейцарки Адеркас и от... невесты иностранного выходца Линара!

– От какой «невесты»?.. Что ты говоришь, герцог!

– Ну, если не от невесты, так от любовницы! Я, вас же щадя, произнес слово «невеста»... И поверьте мне, что если вы еще долго продержите в своем дворце всех этих выходцев и интриганов, то вы дождетесь и самовольной свадьбы вашей племянницы, как дождались ее грубого и дерзкого объяснения!

– О, я еще поговорю с ней; что же касается Адеркас и Линара, то никто не мешает тебе выслать их сегодня же из пределов моей империи!

– Не поздно ли будет? – насмешливо пожал он плечами. – «Спусти лето по малину», как говорят ваши русские мужики! Да и «выслать» представителя дружественной державы вовсе не так легко и удобно. Надо, чтобы сама командировавшая его держава лично отозвала его.

– Так скажи Остерману! Снесись с иностранными коллегиями.

– Не нужны мне ни Остерман и никакие коллегии! Меня надо было слушать, тогда и к коллегиям прибегать не пришлось бы.

– Но Адеркас можно выслать немедленно, если ты твердо убежден в ее виновности.

– А вы ведь не убеждены? Вы думаете, что глупенькая и ничтожная девочка сама, одна могла додуматься и до того тона, каким она сейчас говорила с вами, и до той самостоятельности, какой дышал этот тон? Всему этому научиться надо, и научиться не иначе как у выходцев и представителей такой страны, как Швейцария, где все равны и где идея о власти считается отсталой и глупой идеей.

– Так вышли же ее!.. Боже мой!.. Вышли сегодня же!

– Нет, это было бы глупо, а глупостей я лично и самостоятельно никогда не делаю!.. Это вам должно быть хорошо известно! – дерзко ответил временщик. – Пусть она пробудет еще несколько дней... Часами зла целых лет не исправишь и не увеличишь!.. На это опять-таки нужны годы. Я вышлю наставницу и пособницу вашей племянницы в такую минуту, когда и она сама, и ее почтенная воспитанница менее всего будут ожидать этого, а до тех пор я приму меры к тому, чтобы неукоснительно знать не только каждый их шаг и каждое произнесенное ими слово, но и сами мысли, одушевляющие их.

– Спасибо тебе, Эрнест! – тихо проговорила императрица, в порыве вернувшейся нежности называя старого фаворита прежним уменьшительным именем. – Спасибо тебе!.. Ты один до последней минуты остаешься моим верным и деятельным помощником, ты один оберегаешь мой покой! А теперь ступай! Ты тоже устал от этой тяжелой сцены... Кто бы мог подумать? Боже мой!.. Кто бы мог подумать?!

– Каждый разумный человек мог и должен был и подумать, и ожидать такой сцены и такой развязки, – непочтительно заметил фаворит, разгневанный тем неожиданным оборотом, какой приняла беседа императрицы с непокорной племянницей.

Уходя, он почти машинально поднес к губам протянутую ему руку императрицы. В только что произошедшем он видел явное нарушение своего обычного авторитета, а с таким нарушением он мирился нелегко.

– Мимоходом пошли ко мне Юшкову! – крикнула вслед ему императрица. – Или лучше сам скажи ей, чтобы она послала ко мне принцессу Анну.

– Не советую! – холодно заметил Бирон. – Заранее говорю, что ваша беседа с нею ни к чему не приведет! Умели распустить ее, умеете пожинать и плоды этой распущенности. Теперь уж дела не поправить.

– А не поправлю, так назад ее отошлю туда, откуда я взяла ее!

– Она сама только что просила вас об этом! Ведь она по своей глупости пресерьезно воображает, что этот проходимец Линар без ума влюблен в нее и ни на кого в мире не променяет ее. А ему в ней только призрачность будущей власти нужна!

Последние слова Бирон договорил уже на пороге комнаты.

Вскоре после его ухода в комнату императрицы вновь вошла принцесса Анна; она была взволнована, и ее глаза носили следы недавних слез.

Это порадовало императрицу. Она видела в этих слезах сломанную волю непокорной молодой девушки, и беседа с нею представлялась ей легкой и удобной.

– Поди сюда, Анна! – произнесла императрица навстречу входившей принцессе. – Сядь здесь и внимательно слушай то, что я скажу тебе.

– Я всегда внимательно слушаю все ваши слова, – спокойно, хоть и совершенно почтительно, ответила принцесса.

– Слушать мало, надо «слушаться»!

– Я из вашего повиновения никогда не выхожу.

– Я не упрекаю тебя в прошлом... Я хочу поговорить с тобой о сегодняшнем твоём поведении.

– Сегодня, как и всегда, я была покорна вашей личной воле... Что же касается герцога Бирона, то его волю я признавать не хочу и не буду... В этом я даже вас не слушаюсь... И если условием моего дальнейшего пребывания при вашем дворе служит мое подчинение воле и прихоти герцога Курляндского, то я почтительно прошу вас сегодня же решить мой обратный отъезд на родину!

– В том, что ты говоришь, нет ни правды, ни смысла... Там, куда ты хочешь вернуться, тебя ждет самая заурадная жизнь, далеко не схожая с тем, что ты имеешь здесь, подле меня!

– Я безгранично благодарна вам за ваши милости ко мне, но прежде всего в мире я дорожу своей свободой, а здесь... здесь я несвободна.

– Никто из нас несвободен, и чем выше положение человека, тем более он стеснен и подчинен всему его окружающему...

– Быть может! Но это относится к тем, кто родился на ступенях трона. Я не принадлежу к разряду этих избранников судьбы. Я родилась в скромной доле и ничего не имею против того, чтобы в ней и умереть.

– Я знаю, кто внушает тебе весь этот вздор и кто восстанавливает тебя против меня и моей власти.

– Меня никогда никто не восстанавливал против вас, ваше величество, и ваши подозрения являются плодом наушничества герцога Бирона! – воскликнула принцесса.

– Я уже сказала тебе, что не хочу, чтобы о герцоге говорили в таком тоне.

– Тогда разрешите мне никогда не говорить о нем!

– Ты упряма, Анна, упряма и дерзка... Такой я не знала и не видала тебя.

Принцесса Анна молчала.

– Герцог – мой лучший, мой ближайший друг, – продолжала государыня, – и кто меня любит, тот должен любить и его.

– При всей моей благоговейной привязанности к вам я не могу даже притворно не то что любить или уважать, но и равнодушно относиться к герцогу Бирону! – воскликнула принцесса Анна.

– Ты так сильно ненавидишь герцога Курляндского?

– Не я одна, ваше величество! Его ненавидит весь двор... его вся Россия ненавидит!

– Анна! Я умею карать непокорных!

– Карайте меня, тетушка! поразите меня всей силой вашего всемогущего гнева, но не требуйте от меня ни любви, ни уважения к герцогу Бирону! Простите мне смелость моей речи;

простите мою кажущуюся непокорность вашей священной для меня воле, но есть два вопроса, в которых я бессильна повиноваться вам.

– И эти два вопроса?

– Мое отношение к герцогу и мой брак с принцем Антоном Люнебургским.

– Да? Ты и своего жениха тоже ненавидишь? – улыбнулась императрица такою бледной, больной улыбкой. – В твоей еще молодой душе много места отведено для ненависти!

– Я не ненавижу принца Антона, по крайней мере теперь, пока он – еще посторонний мне человек... Я не имею причин ненавидеть его, но не скрою от вас, что брак с ним является для меня тем же, чем был бы приговор к смертной казни!

– Стало быть, правда, что ты говоришь в своих беседах с приближенными к тебе людьми, что ты скорее взойдешь на эшафот, нежели станешь под венец с принцем Антоном?

– Да, тетушка, истинная правда!.. Я не могу не удивляться зоркости тех лиц, которые так аккуратно подслушивают и передают вам все мои слова, но и отказаться от этих слов я тоже не могу и не хочу! Я действительно говорила их!

– А между тем, должна сказать тебе, этот брак бесповоротно решен!

Принцесса Анна молча склонила голову.

– Я знаю! – продолжала императрица, что ты забрала себе в голову пустую и глупую любовь к графу Линару и что подле тебя нашлись недобросовестные люди, готовые потворствовать этой глупой страсти. Но предупреждаю тебя, что всякая попытка сближения с этим иностранным проходимцем поставит вечную преграду между тобой и мной.

Императрица говорила бойко и оживленно.

Принцесса слушала ее молча, с поникшей головой.

– Ты ничего не отвечаешь мне, Анна? – спросила государыня.

– Что могу я ответить вам? Вы упрекаете меня за чувство, которое если и существует, то глубоко скрыто в моей душе!.. В своем сердце никто не волен; это даже вне царской власти! Я не хочу лгать. Граф Линар мне точно нравится... даже больше того: я люблю его!

– Но я не хочу и не могу поверить, чтобы ты забыла все то, чем обязана мне и тому имени, которое ты носишь, и сделалась действительно... любовницей этого иностранца.

По лицу принцессы разлился румянец.

– А герцог Бирон даже в этом упрекает меня? – с горечью проговорила она.

– Почему ты во всем подозреваешь герцога?

– Потому что никто, кроме него, не осмелился бы вести такие речи пред вами, ваше величество! – смело и прямо глядя в глаза тетке, ответила Анна Леопольдовна. – Только герцог Курляндский, не задумавшись, может заподозрить меня в такой грязи и бросить этой грязью мне в лицо с вашего ведома.

– Я говорю тебе, что вовсе не от Бирона слышала о твоей привязанности к Линару и что относительно твоего полного увлечения я никому не дала веры.

– Благодарю вас за эти милостивые слова! – с глубоким чувством проговорила молодая девушка. – Мне было бы невыносимо тяжело подумать, что вы можете заподозрить меня в таком грязном, смелом обмане! – Говоря это, молодая принцесса опустила на колени перед императрицей и поднесла ее руку к губам. – Теперь моя последняя просьба к вам, – продолжала она, не вставая с колен. – Выслушайте меня милостиво, не прерывая, и во имя Бога, во имя всего святого в жизни исполните мою просьбу!

– Говори, в чем дело? – произнесла императрица, взволнованная и озадаченная тем горьким, просительным тоном, каким говорила с ней принцесса Анна.

– Откажитесь от мысли о моем браке с принцем Антоном! Снимите с моей души этот непосильный гнет... Снимите с нее этот крест!.. Вы сами были молоды... Вспомните свои юные годы, свои горячие мечты! Ведь мечтали же и вы когда-то?

– Я? Нет, я в твои годы не мечтала. И воли своей у меня не было. Я только слушала и покорялась; в моем нраве никогда не было строптивости... За то Господь возвеличил меня. Для того чтобы жить так, как хотелось мне, чтобы дать волю и сердцу, и уму, я дождалась той минуты, когда стала совершенно самостоятельной. Власть – сила; в ней и мощь, и свобода. И ты можешь дожидаться ее, как дождалась ее я. Потерпи; перенеси те испытания, какие посылает тебе судьба, склонись пред ее велениями и терпеливо жди своей доли. В умении ждать – вся людская философия, в нем вся сила, весь вопрос людского счастья. Не отвечай мне ничего теперь! Подумай – и я уверена, что ты не захочешь огорчить меня!..

Государыня протянула руку племяннице и сделала ей знак удалиться.

Эти разговоры и объяснения утомили сильно и часто недомогавшую императрицу. Ей были нужны покой и отдых. Она тоже устала от жизни, и та свобода власти, о которой она только что говорила племяннице, не дала ей того счастья и того покоя, каких она ждала от нее.

V. На царском пиру

Приготовления к летнему балу, последнему перед переездом высочайшего двора на дачу, были сделаны блестящие.

Императрица Анна Иоанновна, вообще любившая пышные балы и празднества, на этот раз выразила желание, чтобы бал вышел особенно блестящим, и покорный ее воле Бирон, без санкции которого в последнее время уже положительно ничего не делалось при дворе, «разрешил» отпуск экстренных сумм на расходы по летнему балу.

Вечер, назначенный для бала, выдался особенно удачный, и толпы любопытных чуть не с утра запрудили все окрестности Летнего дворца, чтобы видеть блестящий съезд приглашенных.

«Блеск» съезда был, впрочем, относительный. Бесповоротно роскошны были только наряды и экипажи представителей иностранных держав; что же касается нашего русского дворянства, то, несмотря на то что в число приглашенных вошла на этот раз поголовно вся петербургская знать, ничто в нарядах и обстановке гостей не гармонировало одно с другим. То из роскошной кареты с рослыми гайдуками в богатых ливреях неуклюже вылезал бестолково одетый барин; то модная красавица, в пудре и в фижмах, неловко и как бы конфузясь, спускалась с целого ряда ступеней раскинутой подножки такого допотопного экипажа, в котором и в люди показаться было совестно. Мужчины еще более или менее укладывались в одну общую форму, но дамские туалеты представляли такую смесь роскоши, безвкусицы, бедности и богатства, что бал подчас выглядел потешным маскарадом.

В самом дворце, как бы в противоположность этому, все дышало порядком, почти восточной роскошью. Столы были накрыты истинно по-царски; цветов было такое изобилие, что на этом вечере были опустошены все царские оранжереи; близкий штат императрицы блистал самыми роскошными и прихотливыми нарядами.

Принцесса Анна Леопольдовна, одетая в костюм той кадрили, в которой она должна была участвовать, встречала гостей в качестве молодой хозяйки во втором приемном зале, и после официального поклона ей приглашенные уже следовали далее, чтобы раскланяться с Бироном и затем, по особому выбору, и с самой императрицей.

Анна Леопольдовна на этот раз была очень интересна в своей прихотливой розовой робе с серебряными бантами на плечах и казалась еще милее и грациознее рядом со своим кавалером, принцем Антоном Ульрихом, тоже облаченным в розовый глазетовый кафтан с серебряными бантами и аграфами.

Принц держался несколько в стороне, в приеме и встрече гостей не участвовал, но тем не менее от принцессы Анны не отходил и делал это так глупо и неуклюже, что вызывал порою улыбку на устах не особенно скромных и почтительных гостей. Он был как бы скован в своем прихотливом костюме, и подле него даже некрасивый сын Бирона, герцог Петр, казался и статным, и молодежавшим.

Цесаревна Елизавета Петровна на этот раз не была облечена никакой властью хозяйки и пленяла всех в роли простой гостьи, отличавшейся от всех остальных как своею красотой и миловидностью, так и простотой и ласковой любезностью своего обращения.

Подле нее тоже безотлучно находился ее кавалер на этот вечер, герцог Петр Бирон, и императрица, блестящий наряд которой не скрывал ни ее нездоровья, ни ее утомления, с особым удовольствием видела, как мила и ласкова была цесаревна с ее любимцем. Обыкновенно не пользовавшаяся ее любовью цесаревна на этот раз вызывала в ней почти нежное чувство, и Анна Иоанновна с досадой замечала и сознавала, что принцессе Анне никогда не удастся вызвать ни той всеобщей любви, ни того всеобщего восторга, какие вызывала Елизавета Петровна.

Это подчеркивал ей шепотом и герцог Бирон, и неудовольствие императрицы на племянницу еще усугубилось при появлении в зале дворца красавца графа Линара, при виде которого по лицу принцессы Анны разлился яркий румянец.

Граф, почтительно раскланявшись с нею и не остановившись подле нее ни минуты, прошел в ту сторону, где находилась императрица, и, отдав ей издали придворный поклон согласно этикету, почтительно и почти торопливо направился в сторону Бирона и раскланялся пред ним.

Герцог ответил ему гордым наклоном головы и не удостоил его ни одним приветливым словом. Бирон не любил саксонского посланника и не скрывал своего враждебного чувства к нему.

Линар, зная, что за ним следят несколько внимательных и опытных глаз, ловко лавировал между приглашенными и, останавливаясь с одними и на ходу раскланиваясь с другими, незаметно дошел до укромного угла в тени глубокой оконной амбразуры, где, прижавшись к мрамору подоконника, стояла Адеркас.

– Что нового? – тихо шепнул ей Линар.

Она незаметно передала ему в руку искусно сложенный тонкий листок бумаги.

– О вас... ничего не известно? – так же тихо произнес граф.

– Известно все то же, что и прежде: моя высылка решена бесповоротно.

– И она знает это?

– Да!.. Я вскользь сообщила ей об этом!.. К чему заранее было огорчать ее? Ей и так впереди придется пережить еще много горя.

– Да! Я тоже доживаю свои последние дни при русском дворе.

– Я знаю! – торопливо ответила Адеркас и еще тише прибавила: – Проходите, граф, за нами следят... И – главное – как можно осторожнее поступайте с переданной мною вам запиской... Чтобы никто не заметил, когда вы будете читать ее.

Граф Линар отошел и через несколько минут исчез из зала.

Когда он вернулся обратно, на его лице нельзя было прочесть и подглядеть никакого впечатления. Он казался совершенно спокойным и равнодушным ко всему его окружавшему.

Среди всеобщего почтительного внимания прошла официальная кадрили специально избранных и наряженных пар. Императрица лично приветствовала исполнителей, причем особого ее внимания удостоилась цесаревна Елизавета Петровна. После этого бал принял свое обычное течение.

Первый экоссеэз прошел довольно скучно, так как был исполнен тоже по назначению и личный выбор танцоров не имел в нем места; только со второго экоссеэза начался тот период бала, когда все танцуют по личному вкусу и выбору.

Граф Линар с лицом, совершенно спокойным и, видимо, равнодушным, направился в сторону принцессы Анны и, почтительно остановившись пред нею, напомнил ей, что имеет честь и счастье танцевать этот экоссеэз с нею. Анна Леопольдовна опять покраснела до корней волос, и внимательный зритель заметил бы на лице красавца-графа выражение глубокой досады за этот почти детский наивный румянец.

«Никакой выдержки!.. точно школьница какая!» – досадливо промелькнуло в его уме при взгляде на пылавшее лицо принцессы, а затем он, подвигая ей стул, осторожно нагнулся к ней и тихо, едва слышно проговорил:

– Овладейте собой!.. За нами зорко следят!..

– Я ничего... я спокойна! – едва могла произнести принцесса Анна, так было сильно овладевшее ею волнение. – Вы... прочли мою записку? – спросила она во время легкого тура.

– Конечно!

– И вы одобряете тон моего разговора с тетюшкой?

– Не совсем!

– Но я была откровенна... я говорила только правду!

– Правда не всегда хороша и удобна.

– А то, о чем я спрашивала вас в моей записке, справедливо?

– Да, мой отъезд решен бесповоротно!

– А я?.. Что же я буду делать? – испуганно заметила принцесса, сбиваясь с фигуры.

– Осторожнее!.. За нами следят! – шепнул ей Линар, кружась с таким веселым видом, что всякому постороннему лицу и в голову не пришло бы заподозрить его в волнении.

– Нет-нет, я не могу покончить на этом наш разговор!.. Приходите сегодня же на заре к старому дубу... Я буду ждать вас там, – взволнованно промолвила Анна Леопольдовна.

– Отлично, я буду там; нам действительно надо еще свидеться, – с радостью в душе, но с вполне невозмутимым видом произнес Линар и, раскланявшись, повел принцессу к ее месту.

– Линар положительно и умнее и приличнее вашей племянницы! – своим обычным резким тоном прошептал Бирон, подходя к императрице и фамиллярно наклоняясь к ее уху.

Она подняла на него вопросительный взгляд.

– Он плясал и прыгал, как будто ему ни до чего, кроме этой пляски, и дела нет, тогда как она прямо-таки выдавала себя и своим волнением, и своими влюбленными взглядами!

– Тебе, может быть, так кажется, герцог? – нехотя прошептала императрица.

– Мне никогда ничего не «кажется». Я оттого и герцог, что никогда не ошибался и не ошибаюсь. Я и теперь могу почти безошибочно сказать вам, что голубки назначили друг другу свидание!

– Свидание? Где и когда?

– Этого я еще не знаю, но узнаю наверное и наверное помешаю этому свиданию.

– О, конечно! Я надеюсь на тебя! – ласково заметила императрица, откидываясь усталой головой на спинку своего любимого кресла, которое неизбежно следовало за нею, даже в парадный бальный зал.

Бирон почти с пренебрежением бросил взгляд на ее утомленную, отяжелевшую фигуру. Он, несмотря на свои уже немолодые годы, не знал усталости и не признавал ее в других.

– Устают только дураки и лентяи! – говаривал он обыкновенно, и никогда никто не слышал от него жалобы на утомление.

А бал шел с прежним увлечением, и оживленный grosфатер принял такие шумные размеры, что сама императрица отодвинулась в глубину зала, чтобы не мешать безумно носившимся парам.

– Точно лошади! – презрительно заметила чопорная герцогиня Бирон, жена временщика, недовольная тем, что ее дочь Ядвига, несмотря на блеск и роскошь своего наряда, проходила совершенно незаметной среди всех своих сверстниц.

– Молодежь! – снисходительно ответил ей муж.

Принцесса Анна, после экоссеа, который она танцевала с Линаром, вся как-то ушла в себя и, видимо, перестала интересоваться балом. Императрица заметила это и подозвала ее к себе.

– Брось эту похоронную мину и танцуй, как все танцуют! – недовольным тоном сказала она племяннице.

Та удалилась, но до конца вечера сохранила свой утомленный и отчасти недовольный вид.

Зато цесаревна Елизавета была обворожительна и покорила все сердца. Даже вечно рассеянный и паривший в облаках граф Остерман, приехавший на бал, по своему обыкновению, в измятом жабо и совершенно грязных перчатках, залюбовался цесаревной и, любезно склоняясь перед нею, заявил, что желал бы быть молодым, чтобы положить свое сердце у ее ног.

– И по этому случаю вы надели бы не измятое жабо и запаслись бы чистыми перчатками? – смеясь, осведомилась она у своего импровизированного поклонника.

Остерман только рукой махнул в ответ и с любопытством оглядел подробности своего действительно не совсем исправного туалета.

В эту минуту граф Линар, почтительно остановившись пред цесаревной, пригласил ее на контрданс.

– Вы опоздали ровно на месяц! – приветливо улыбнулась она в ответ на его приглашение. – Еще только речь зашла об этом бале, как уже все мои танцы были разобраны до последнего. Я даже с графом Остерманом не могла бы протанцевать, если бы он пригласил меня! – рассмеялась молодая красавица.

Старик еще раз махнул рукой.

– Где уж мне танцевать! Я и смолоду на это был не мастер! – заметил он.

– А все-таки танцевали? – рассмеялась цесаревна.

– Ну, разумеется!.. Кто ж это в молодости не прыгал?

– Воображаю, как вы путали все фигуры!

– Да, был тот грех! – рассмеялся старый граф. – Если бы в мое время были такие танцоры, как вот граф Линар, я у них перенял бы; да я что-то таких всепобеждающих не запомню.

– Ваше сиятельство, шутить изволите! – почтительно раскланиваясь со стариком, ответил Линар.

– А вы вот теперь с него пример возьмите и одевайтесь так, как он! – весело подмигнула цесаревна Остерману.

– Где уж нам, старикам! – сказал Остерман, отходя в сторону.

Граф Линар раскланялся и собирался тоже отойти от цесаревны, но она остановила его и спросила:

– Вы сегодня, кажется, не особенно много танцуете?

– Как всегда, ваше высочество. Я не особенно люблю танцы, да и не везет мне сегодня!..

– Не везет? Почему?

– Да вот вы сами изволили видеть! Я хотел иметь счастье протанцевать с вами на прощанье, и мне это не удалось!..

– На прощанье? Почему на прощанье?

– Потому что со дня на день меня могут отозвать к саксонскому двору.

– Так это – правда? – вырвалось у цесаревны, и она сама тотчас же спохватилась в своей неосторожности.

– Что правда, ваше высочество?

– Да то, что я слышала о вашем предполагаемом отъезде.

– Я сам еще ничего положительного не знаю, но это... в воздухе стоит.

– Как в воздухе? – рассмеялась цесаревна.

– Бывают такие слухи, которые предупреждают действительность и которые именно как бы реют в воздухе!.. Я смею уверить вас, ваше высочество, что официально мне никто еще ни слова не говорил о моем отзывании, а между тем я предвижу это, и вы, ваше высочество, как оказывается, изволили уже слышать об этом?

– Да, слышала и очень сожалею об этом, как и многие другие! Конечно, не так сильно, как некоторые из моих близких знакомых, но все-таки сожалею!

– Я бесконечно признателен вам, ваше высочество, за это милостивое сожаление, но мне непонятен ваш намек относительно сожаления знакомых вам лиц.

– Об этом мы не станем говорить! Я ни своих тайн не выдаю, ни в чужие мешаться не люблю! У каждого есть в сердце уголок, в который никто не смеет самовольно врываться. Это – святая святых человека, и каждый обязан понимать это!..

– И у вас, ваше высочество, тоже есть в сердце такой заповедный уголок, – с самонадеянной улыбкой произнес красавец-граф, не останавливаясь перед тем, что он говорит с высокопоставленным лицом.

Избалованный женщинами, он почти не делал разницы между ними и, по русской пословице, «бил сороку и ворону, в надежде побить и ясного сокола». Таким «ясным соколом» была для него красавица-цесаревна, на которую Линар порой невольно заглядывался, как заглядывались на нее почти все, случайно встречавшиеся с нею.

А цесаревна Елизавета между тем продолжала:

– Не дотрагиваясь до интимных струн вашего сердца, граф, я все-таки не могу не сказать вам, что искренне сочувствую тому горю, с каким вы покинете Петербург, и что я лично навсегда сохраню о вас дружеское воспоминание.

Линара в жар бросило от слов цесаревны. Перед ним в перспективе мелькнуло иное счастье, далеко превосходившее то, какое он находил подле некрасивой принцессы Анны.

«Вот с кем бы завести роман!» – самолюбиво шевельнулась в нем вольнодумная и тщеславная мысль.

Елизавета Петровна на лету поймала его взгляд и как бы прочитала в душе его мысль.

– До свидания, граф! – сказала она, вставая и удаляясь. – Желаю вам полного успеха!

– Успеха? В чем, ваше высочество?

– Ах, боже мой!.. Во всем, что вы предпринимаете или о чем мечтаете!.. Ведь каждый из нас мечтает о чем-нибудь.

И, бросив Линару задорный взгляд, цесаревна Елизавета ускользнула своей бойкой, слегка скользящей походкой.

VI. Тайное свидание

Вернувшись с бала утомленной и сильно взволнованной, принцесса Анна Леопольдовна, наскоро сбросив с себя костюм, проскользнула через узкий коридор в смежную комнату, занимаемую ее воспитательницей Адеркас.

Та уже успела совершенно раздеться и приготавливалась лечь в постель.

– Вам невесело было сегодня, принцесса? – ласково осведомилась она у своей августейшей воспитанницы.

– Нет, ничего!.. Я видела его, танцевала с ним, и уже благодаря тому мне не могло быть скучно! А этих балов я, как вы сами знаете, вообще не люблю...

– А между тем их еще столько предстоит на вашем веку!

– Ну, когда все будет зависеть от меня – если это будет когда-нибудь, то я отменю все большие и пышные собрания. Я положительно неспособна на эту утомительную придворную жизнь, всю скованную этикетом! Но бог с ними – и с двором, и с этикетом! Я не за тем пришла сюда к вам, чтобы разговаривать с вами о них! Я пришла сказать вам, что спать я вовсе не лягу, потому что на заре он ждет меня там, у нашего старого дуба...

– На заре?! Но заря уже занимается.

– Ну да! оттого-то я и говорю вам, что вовсе не лягу. Когда во дворце все утомонится, я пройду к дубу с моей верной Кларой, и она по обыкновению подождет меня.

– Смотрите, не попадитесь! Ваши враги особенно насторожились. Ваше смелое объяснение с герцогом подлило масла в обычный пламень его ненависти и гнева.

– Ну, сегодня, я думаю, и он устал и крепко заснет.

– Но у него есть свои клеветы! Эти и не устали, и не уснут. Он слишком хорошо и щедро платит им для того, чтобы они променяли его службу на спокойный сон.

– Ну, там видно будет! – с беззаботностью молодости воскликнула принцесса Анна. – А пока предо мной все-таки несколько минут полного, жгучего счастья! Возможность обнять его, моего красавца... возможность прижаться к его груди... отдохнуть в его объятиях! За это не только перед клеветами герцога можно бравировать, за это с жизнью расстаться не жаль!..

– Я понимаю и ваше нетерпение... и ваше молодое счастье, и даже вашу порывистую страсть... Все были молоды, всем жить хотелось... Но все-таки повторяю вам, будьте осторожны и помните, что всякая неосторожность обратится не только на вас, но и ему грозит серьезной и крупной неприятностью.

– Знаю, знаю. Не ворчи, моя дорогая! – прижимаясь головой к плечу своей воспитательницы, проговорила принцесса; затем, крепко обняв ее, тихо прошептала: – Пожелай мне счастья!.. Как вернусь, так я пройду к тебе!

– Это будет новой неосторожностью. Ваше присутствие в моей комнате в такой неурочный час может возбудить подозрение и вызвать ненужные толки.

– Не бойся за меня, моя дорогая, моя единственная! – нежно проговорила принцесса, по своему обыкновению в минуту порывистой откровенности разом переходя на ласковое и нежное «ты».

С этими словами она выскользнула из комнаты, и через несколько минут при свете еле брезжущего рассвета можно было видеть две женские тени, осторожно проскользнувшие из дверей заднего дежурного подъезда и направившиеся к расположенной сбоку аллее, в конце которой возвышался еще до настоящей минуты сохранившийся большой старый дуб.

Из-под широкой тени последнего навстречу им показалась другая, более крупная тень...

– Мориц! – порывисто почти вскрикнула принцесса Анна, бросаясь на шею красавцу Линару, закутанному в складки широкого плаща.

У того вырвался жест нетерпения.

– Тише, принцесса!.. Вы погубить всех нас хотите! – проговорил он, почти не отвечая на ее ласки.

Но Анна Леопольдовна ничего не помнила, ничему не хотела подчиняться, ни о чем ни думать, ни говорить не хотела! Она была счастлива своим молодым, беззаботным счастьем, и в эту минуту, действительно, и трон, и все сокровища государства она готова была отдать за один поцелуй любимого человека.

Линар почти отстранял ее безумные, восторженные ласки. Ему было не до них и его, серьезного и честолюбивого, почти бесили эти необузданные, нерасчетливые порывы.

Принцесса Анна заметила его холодность, и это как бы за сердце схватило ее.

– Мориц, ты не рад мне? Ты не любишь меня? – почти простонала она, крепко прижимаясь к графу.

– Полно, Анна! Ты знаешь, что я тебя искренне и горячо люблю. Не подвергался бы я тем опасностям, каким я ежедневно подвергаюсь, если бы я действительно не любил тебя! Но бывают минуты, когда дело должно поглотить всякие порывы. Нам не до них теперь; нам надо обсудить многое. Будь благоразумна, и поговорим о деле!

Говоря это, Линар слегка отодвигал ее от себя и осторожно освобождался из ее объятий.

Но Анна Леопольдовна не хотела примириться с этим.

– А наша любовь разве не «дело»? – ласково спросила она, прижимаясь к его груди.

– Я не говорю этого. Ты сама знаешь, какое значение я придаю твоей привязанности, но... нам угрожает близкая и, быть может, долгая, если не вечная разлука.

Принцесса побледнела.

– Вечная? О, не говори таких слов, Мориц! Разве есть в мире сила, которая может навсегда разлучить нас?

– К несчастью, есть, против этого-то нам следует вооружиться!

– О, на меня смело надейся; я уже доказала, что в нужную минуту не сробею. Но скажи мне, что надо сделать?

– Прежде всего быть как можно осторожнее и напрасно не бравировать, не поднимать ненужных бурь и ненужных толков... Делу они помочь не могут, а лишнее раздражение в душу внесут. Если у тебя есть хотя одна моя записка, то немедленно уничтожь ее и не доверяйся положительно никому.

– А Матильде?..

– О ней я не говорю!.. Но ее присутствие здесь непродолжительно: часы ее пребывания при русском дворе сочтены.

– Неужели ты тоже веришь в это? – испуганным голосом переспросила Анна Леопольдовна.

– Конечно, верю! Я привык ни в чем и никогда не обманывать себя.

– Но... мне все-таки дадут же время проститься с нею? Выждут, чтобы была выбрана новая наставница, которая заменила бы ее?

– Могут и не сделать этого. Когда герцог решается на что-нибудь, он проволочек не любит и не допускает!

– О, этот герцог! Всюду он!

– Да, от него «в России тесно», как писал недавно один из европейских дипломатов, и все-таки, пока жива императрица, избавиться от него нельзя.

– Но неужели императрица никогда не поймет и не оценит его по-настоящему?..

Линар пожал плечами.

– Если она в течение стольких лет не поняла, то не поймет и теперь! На склоне дней старые привязанности крепнут, а привязанность императрицы к Бирону началась давно.

– Да! И что только она могла найти в нем?

– У сердца есть свои тайны: их понять трудно!.. Ведь полюбила же ты меня! – улыбнулся Линар и, как бы спохватившись, что сам начинает терять дорогое время в пустых разговорах, вновь деловым тоном спросил: – В каких ты отношениях с цесаревной?..

– С Елизаветой? Да ни в каких! Ни меня она особенно горячо не любит, ни мне она не особенно симпатична! Она так пуста... и так вульгарна!.. Эти ее русские пляски, ее песни мужицкие!.. Можно ли любить все это как она любит?

– Но этим она покоряет себе русские сердца! Она – настоящая русская царевна!

– Тем лучше для нее! – недовольным голосом заметила принцесса Анна. – Мне титул «настоящей русской царевны» не завиден.

– Она ловка и даже с Бироном ладить умеет!

– Ей и книги в руки, как говорят русские! Я такой «ловкостью» не обладаю.

– Во всяком случае, не вступай с ней в открытую вражду, – продолжал Линар, – и в случае моего отъезда не восстанавливай против себя ее многочисленной партии. Со своим отсутствием из России я не помирюсь; я вернусь... сюда... непременно вернусь!

– Но зачем уезжать? Неужели нельзя изменить это?

– Нет, в настоящую минуту нельзя. Отсрочка моего отъезда возможна, об отмене же его и думать нечего!.. Когда этот отъезд состоится, постарайся встретить его совершенно спокойно и хладнокровно! Помни, что всякая неосторожность не одной тебе принесет вред, но и на мне может отразиться!

– О, в таком случае я буду тверда. Ты можешь надеяться на меня.

– Против разлуки с Матильдой Адеркас тоже не слишком сильно восставай. Это ты тоже не можешь исправить, а повредишь сильно как ей, так и самой себе! На Клару ты крепко надеешься?

– О, она предана мне всей душой! Ты знаешь, что она последовала за мной в Россию и оставила там, на родине, и дом, и родных только для того, чтобы не расставаться со мной.

– Да! Но на подкупы у вас здесь не скупятся.

– Клары не купят! – с уверенностью проговорила принцесса.

– Тем лучше! Береги и ты ее в таком случае и не подвергай ее напрасным опасностям, как тебе случается делать это. Помни, что у вас, на Руси, есть еще и дыба, и пытки!

– Что за мрачные мысли приходят тебе, Мориц!

– Кому они не придут при вашем русском дворе? Здесь сам воздух пропитан ложью, предательством и лестью!

– Однако говорят, что при всех дворах практикуется то же самое.

– Но не в такой мере! Там Бирона нет! Однако и с ним ты очень сильно не ссорься. Выжди время... Придет и твоя пора... императрица недолговечна... Ну, теперь о самом важном и, для нас обоих, о самом тяжелом – о твоём замужестве!..

Принцесса Анна вздрогнула и еще крепче прижалась к возлюбленному, причем промолвила:

– Но этого замужества не будет! Я положительно заявила об этом тетушке!

– И напрасно сделала! Этот брак должен совершиться.

– Должен совершиться?.. И это говоришь ты, мой Мориц? Ты, которого этот брак должен пугать так же сильно, как и меня?..

– Что делать! Я умею покоряться обстоятельствам! Ведь я не могу жениться на тебе!..

– Почему нет? Твой брак может быть расторгнут, а я ото всего откажусь, чтобы навеки связать свою жизнь с твоею! – пылко воскликнула принцесса.

– Это – ребячество, и в данную минуту об этом думать невозможно. Твой брак с принцем Антоном и дети, которые родятся от этого брака, утверждают за тобою права на русский престол.

– Ты так спокойно говоришь об этом, Мориц.

– Потому что я люблю тебя и никогда не соглашусь снять с твоей дорогой головки почти надетую на нее корону для того, чтобы сделать из тебя самую обыкновенную из смертных! Моя скромная графская корона, конечно, не заменит тебе блеска императорской короны и мое имя не введет тебя в царскую династию!

– А на что нужна мне эта царская династия? Ты знаешь, что я твоя, вся твоя... и что для меня ни счастья, ни жизни нет и быть не может вдали от тебя.

– И все-таки надо ждать и терпеть, терпеть и ждать – в этом заключается весь залог удачи. В особенно тяжелые минуты воспоминаний о том, что ждет нас с тобой впереди, и пусть эта мысль служит тебе поддержкой и утешением!

– Такими «тяжелыми минутами» ты называешь моменты моей грядущей семейной жизни? – спросила принцесса Анна, слегка отодвигаясь от графа и взглядывая прямо в лицо ему. – Ты настаиваешь на том, чтобы я отдалась и принадлежала другому?.. ты даже о моих будущих детях говоришь спокойно?

– Что делать!.. Я никогда не восстаю против того, что изменить не в моих силах!

– Если бы я не так горячо любила тебя, Мориц, то я сказала бы, что ты... слишком благороден!

В стороне послышался шорох. Оба внезапно вздрогнули.

В двух шагах от них выросла фигура, тень от которой ложилась далеко на пробивавшемся горизонте.

– Клара... Это – ты? – дрожащим от страха голосом спросила принцесса.

– Да, я! – ответил тоже дрожащий женский голос. – Уйдемте скорее отсюда, принцесса! Здесь, в саду, кто-то есть!..

– Где? – встрепенулись и произнесли Анна и граф Линар.

– Здесь... там, за деревом!.. Я сама видела...

– Тебя напугала твоя собственная тень! – стараясь успокоить Клару, произнесла Анна.

– Нет, принцесса, нет!.. Да вот прислушайтесь, там... в стороне большой ивы...

Неподалеку действительно послышался шорох осторожных шагов.

Все трое затихли в предсмертном страхе.

– Прощай! – раздался в той же стороне осторожный, легкий шепот.

Линар первый оправился от испуга.

– Это такая же влюбленная парочка, как и мы! – рассмеялся он. – Однако все-таки надо уходить.

Принцесса бросилась к нему на шею.

– Но где же и когда я опять увижу тебя? – заволновалась она.

– Я дам тебе знать! – рассеянно ответил граф, наскоро обнимая ее и неохотно отвечая на ее нежные ласки.

Он опять уловил неподалеку осторожные шаги и, почти вырвавшись из объятий принцессы, стал быстро удаляться...

Анна Леопольдовна на минуту осталась на месте вместе со своей спутницей. На этот раз и она явственно расслышала шорох.

– Пойдемте! – шепнула ей Клара, и они почти бегом пустились по направлению к дворцу. Издали до них долетели громкие голоса и как будто звук оружия.

Клара, обезумевшая от страха, схватила принцессу за руку.

– На графа напали! – прошептала она. – Пойдемте!.. Скорее пойдемте!..

Анна Леопольдовна не ответила ни слова; она была вся охвачена тревогой.

Поднимаясь по ступеням дежурной лестницы, она заметила огонь в комнате Адеркас.

Швейцарка еще не спала и, нагнувшись над столом, писала что-то. Ее сердце было тоже беспокойно. Она боялась за свою воспитанницу, и ее личная судьба тоже не в особо блестящих красках представлялась ее воображению.

Все в эту эпоху дрожало и трепетало на святой Руси. Грозный образ временщика Бирона властвовал над всеми и все давил своей грозной тяжестью.

– Я пришла! – тихонько прошептала Анна Леопольдовна, приотворяя дверь в комнату своей воспитательницы.

Та облегченно вздохнула. Никогда она так сильно не боялась за принцессу Анну, как в этот раз.

VII. Наперсница

День, следовавший за придворным балом, хотя и начался ярким солнечным светом, но затем стал пасмурным и дождливым.

Императрица, утомленная и не особенно довольная балом, проснулась позднее обыкновенного и встала не в духе. Это отразилось на всех, кому пришлось являться к ней в то утро с докладами, а тайная беседа с Бироном еще усилила ее дурное расположение.

– В таком случае поторопись! – сказала она герцогу на пороге кабинета, до дверей которого она сама проводила его. – А об остальном уж я сама позабочусь! Все хорошо в пору и в меру, и я над собой шутить никому не позволю.

– Прикажете в ту минуту доложить вам, ваше величество? – спросил герцог тоном, в котором слышалось полное удовольствие от данного ему приказа.

– Нет, это ни на что не нужно. Я даю тебе полную свободу действий! Анну я сама приведу к порядку.

– За объяснения с принцессой я и не берусь! – пожимая плечами, произнес Бирон. – Эту обузу я, при всей своей преданности к вам, не соглашусь принять на себя. Не советую и вам терять напрасно дорогое время. Есть масса более полезного и плодотворного дела, нежели беседа с вашей упрямой племянницей.

Последние слова фаворит проговорил, уже переступив порог двери.

Императрица вернулась к себе и, задумчивая и недовольная, обернулась к кривлявшемуся шути Голицыну.

– Ступай прочь! – сказала она, – мне досадно и порою обидно видеть, как ты из-за куса хлеба позоришь и свой сан, и свой дворянский герб.

– Голод – не тетка, матушка Анна Ивановна! – смело глядя государыне прямо в глаза, ответил титулованный шут. – Кабы ты мне Лифляндию или Эстляндию подарила да жалованье хорошее мне положила бы, так и я настоящим князем был бы... А то на голодное брюхо-то и герцогская корона с головы свалится!

Императрица пристально взглянула на него и вместо ответа проговорила:

– Пошли сюда ко мне Юшкову!

Через минуту камер-юнгфера осторожным, вкрадчивым шагом вошла в комнату государыни. Она остановилась у притолоки и подобострастно подалась вперед, ожидая приказаний.

– Ну, что? Выследили? – не глядя на нее, спросила императрица.

– Так точно, ваше величество! Верный человек по пятам шел.

– А не врет твой этот «верный человек»?

– Помилуйте! Смеем ли мы!.. Да мы пред вами, ваше величество, как свечи горим!

– Знаю я свет от этих свечей!.. За грош медный продать готовы!

Юшкова хотела что-то возразить.

Однако императрица знаком руки остановила ее.

– Не таранти! – резко произнесла она. – Так это точно, датчанка всем делом орудует?

– Она, ваше величество! Она всякий раз и провожает принцессу.

– Ладно, дай срок! – про себя проговорила Анна Иоанновна, – все довольны останутся!

Где теперь принцесса Анна?

– У себя в покоях... отдыхать изволит... тоже притомилась небось после бессонной-то ночи!

Императрица строго взглянула на Юшкову и коротко заметила:

– Говори, да не заговаривайся! Мне твоих рассуждений не нужно.

– Я насчет того, что, на балу танцевавши, устала принцесса, – трусливо попробовала оправдаться камер-юнгфера.

– Ладно! Знаю я, насчет чего ты говоришь! Научилась я хорошо понимать всех вас! Ступай, и чтобы теперь мне ни о ком не докладывали... я отдохнуть хочу.

– Ножки погладить не прикажете ли, ваше величество? Или сказочку рассказать? – спросила Юшкова.

В числе ее прочих талантов имелся талант замечательной рассказчицы. Сказок у нее всегда был в репертуаре целый запас, и императрица в свободную минуту не прочь была их послушать.

Это пристрастие к сказкам было предметом частых споров между нею и фаворитом, всячески старавшимся вывести из придворного обихода все эти преданья старины. «Петр Алексеевич прорубил окно в Европу, – говорил Бирон, – да до конца прорубить не успел. После него опять доски на прежнее место сдвигаться стали, и прежней тьмою стало заволакивать!»

Теперь, услышав предложение Юшковой, императрица сделала нетерпеливое движение.

– Не до сказок мне! – ответила она. – И так уж я наяву словно сны вижу... кругом меня сказки растут. Ты вот гляди да запоминай; как схороните меня, так своим детям сказки эти и перескажи, чтобы они их в потомство передали!

– Ах, матушка наша родная, о чем вы говорить изволите! – всплеснула руками Юшкова. – Возможно ли о таких бедах поминать? Да разве ж кто-нибудь из нас, верных рабов ваших, сможет пережить вас?

Императрица махнула рукой.

– Небось все разом со мной в могилу не ляжете! – почти презрительно произнесла она. – Ну, ладно, ступай к себе да гляди в оба!.. И чтобы ничто не было скрыто от меня! Ты знаешь меня! Я и наградить умею, и за провинность не помилую. Ступай!

Юшкова, согнувшись в три погибели, молча вышла из комнаты.

Через минуту она снова приотворила дверь. Императрица встретила ее гневным взглядом.

– Простите, ваше величество! – вкрадчиво и трусливо произнесла камер-юнгфера. – Я насчет допущения к вам не все приказания выслушала.

– Что еще? – сдвинула императрица свои густые, значительно подкрашенные брови.

– Ежели их светлость господин герцог пожалует, их прикажете к вам допустить или нет?

Анна Иоанновна пристально, почти подозрительно взглянула на нее и вместо ответа произнесла:

– Глупеть ты стала, Аграфена! Я дураков около себя держать не люблю... Ступай!

Юшкова, недовольная финалом своего разговора с императрицей, дала себе слово выместить свою неудачу на первой из попавшихся ей жертв, и судьба поблагоприятствовала ей.

Пройдя на свою служилую половину, она прямо наткнулась на молоденькую камер-юнгферу принцессы Анны, миловидную Клару, робкую и безгранично преданную своей госпоже датчанку, вместе с принцессой Анной прибывшую в Россию. Семья Клары уже долгие годы проживала при мекленбургском дворе, и Клара была почти подругой детства маленькой принцессы Анны, которая росла среди совершенно простой обстановки и вовсе не готовилась к внезапно выпавшей на ее долю высокой судьбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.